
Теория и история искусства

УДК 78
ББК 85.318

Пожидаева Галина Андреевна,
доктор искусствоведения, профессор,
ФГБОУ ВПО «Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина
при Государственном академическом Малом театре России»,
ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1, 2, 109012 г. Москва, Российская Федерация
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru

О РОЛИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА (эпоха Студийского устава)

Аннотация: Цель статьи — выяснить, проявилось ли так называемое «южно-славянское влияние» в церковно-певческом искусстве Древней Руси в эпоху Студийского устава. Сам термин «южнославянское влияние» по отношению к Древней Руси оказывается неточным, поскольку в ранний период можно говорить только о возможных русско-болгарских контактах. В статье рассматривается свидетельство Иоакимовской летописи о прибытии на Русь болгарского митрополита Михаила с певчими. Болгарские певчие, возможно, стали посредниками в объяснении русским основ византийского церковного пения — книжности, жанров, трёх типов пения, системы осмогласия, ритмической системы и др. Гипотеза Р. Паликаровой-Вердей о собственной болгарской певческой традиции, созданной в Охридской школе в конце IX — конце X вв., не подтверждается дальнейшим развитием певческого искусства в Болгарии. Музыкальная письменность Руси и южнославянских стран сопоставлена на материале служебных певческих книг XI–XIV вв. Сравнительное исследование рукописной традиции нотированных певческих книг показывает более высокую степень освоения музыкальной письменности на Руси, нежели в Болгарии и Сербии. Это указывает на невозможность какого-либо влияния и тем более ведущей роли южных славян по отношению к древнерусскому церковному пению.

Ключевые слова: церковно-певческая традиция, Древняя Русь, Византия, южные славяне, эпоха Студийского устава.

Деятельность южных славян, как проводников византийской культуры на Древнюю Русь, достаточно известна и исследована в области истории языка и

литературы, иконописи и зодчества. Имеется целый массив научной литературы по этому вопросу. В последние два – три десятилетия значительно усилился интерес исследователей-филологов, текстологов к славянской гимнографии в целом, в том числе к сравнительному изучению традиций восточных и южных славян [11, 12, 16, 17, 10, 32]. Сравнительные исследования в области византистики и русистики, русистики и славистики имеются и в музыкальной медиевистике [47, 41, 42, 43, 40, 29, 5, 15, 30, 2, 1, 31, 50, 4, 25, 23, 24, 28, 18, 46, 26].

Обращение исследователей-литературоведов к материалу периода так называемого первого «южнославянского влияния» привело к неожиданным результатам, обнаружив, несмотря на термин «южнославянское влияние», взаимодействие лишь двух культур — древнерусской и собственно болгарской, поэтому «применительно к данному периоду следует говорить о болгарском, а не южнославянском влиянии» [12, с. 66].

Что же касается церковно-певческого искусства Древней Руси и посреднической роли южных славян в его истории, то этот вопрос является почти совсем не изученным и к нему только начинают подступать в литургическом музыковедении.

Принято считать, что церковно-певческая традиция пришла на Русь непосредственно из Византии. «В отношении церковной музыки сложилось мнение, что она попала к нам, минуя Болгарию, непосредственно из Византии». Такой точки зрения придерживался Э. Кошмидер и учёные Международного академического союза, издающие серию памятников *Monumenta Musicae Byzantinae* [20, с. 197]. «Славяне заимствовали и ранневизантийские невмы, и греческие оригинальные мелодии, хотя и с отчасти значительными отклонениями, обусловленными процессами адаптации» [40, с. 9]¹.

Вопрос о посредничестве болгар в этом процессе почти не рассматривался исследователями в связи с тем, что не сохранились нотированные источники времён крещения Руси. Наиболее подробно на летописном материале и материалах истории церкви этот вопрос освещается И. Гарднером [5, с. 193–199].

В качестве основного летописного источника И. Гарднер использует Иоакимовскую летопись, в которой повествуется, что византийский император и константинопольский патриарх послали на Русь великому князю Владимиру митрополита Михаила, «болгарина суца», с четырьмя епископами, многими священниками, диаконами и демественниками, которые были славянами. Здесь логично предположить, что они были болгарами [5, с. 193].

Иоакимовская летопись — источник, имеющий неоднозначную «репутацию» в историографии. Автором её считается новгородский епископ Иоаким, которого из Корсуни в Новгород привёз князь Владимир. Имя его упоминается в Новгородской второй, Софийской первой и других летописях. Иоакимовская летопись написана почти на 100 лет раньше «Повести временных лет» Нестора и содержит некоторые сведения, которые отсутствуют у Нестора. Историки и археографы высказываются об этой летописи прямо противоположно: от утверждения подлинности (В. Н. Тати-

¹ Цит. по: 20, с. 197.

щев, С. М. Соловьёв) до полного отрицания (Н. М. Карамзин, Е. Е. Голубинский, Н. Б. Тихомиров).

В связи с таким отношением учёных к этому источнику сведения, в нём содержащиеся, приходится принимать с большой осторожностью и только вкупе с другими источниками и аргументами. Одним из аргументов, подтверждающих сведения Иоакимовской летописи, можно рассматривать повторение её свидетельства о митрополите Михаиле в Никоновской летописи [5, с. 194, примеч. 62]. Некоторые подтверждения И. Гарднер находит у историков церкви — Е. Е. Голубинского и А. В. Карташёва, хотя здесь не все логические построения безупречны. В частности, сопоставление летописей приводит Карташёва к догадке о том, что «митрополит Михаил был послан не к Владимиру, а был во время правления Ольги епископом-миссионером в русских землях» [14, т. 1, с. 131].

В любом случае посредничество болгар в передаче византийской традиции пения было бы вполне естественно, поскольку в этот же период болгары выполняли такую же роль в церковной книжности и гимнографии. Действительно, Болгария приняла христианство в 865 г., при хане Борисе (852–889), т. е. более чем на 100 лет раньше крещения Руси (988 г.). Богослужение велось в Болгарии сначала на греческом языке и сопровождалось греческим пением, однако уже с 893 г. в Преславе был провозглашён переход к введению славянского языка в церкви [13, с. 99].

Вероятно, предпосылки для перехода на славянский язык были созданы благодаря государственной поддержке «сверху» — царём Симеоном (893–927), в правление которого Болгария пережила военный и культурный подъём. Кроме того, огромное значение имела деятельность талантливых учеников Кирилла и Мефодия — Климента Охридского, Константина Преславского.

Современные текстологические исследования, в частности, О. А. Крашенинниковой, доказывают влияние болгарских книжников в самый ранний период. В частности, это вывод исследовательницы о том, что архаичные формы Октоиха, характерные для Древней Руси в эпоху Студийского устава, были перенесены на Русь из Болгарии вскоре после Крещения Руси князем Владимиром и не позднее 1037 г., т. е. в период автокефалии болгарской церкви [16, с. 381–382]. Типология древнерусской книжности в данном случае свидетельствует о связи культурных традиций православного славянства в самый ранний период после крещения Руси и является косвенным подтверждением сведений Иоакимовской летописи. Это подтверждение относится к литературно-поэтическому материалу — гимнографии. Что же касается музыкальных традиций, то здесь мы видим ситуацию более сложную.

Ещё Р. Паликарова-Вердей высказала гипотезу о том, что Климент Охридский в свою бытность епископом Охрида в 886–889 гг., т. е. за 100 лет до крещения Руси, основал школу, в которой преподавали и богослужebное пение [47, с. 55–60].

Исследовательница полагает, что болгарские певцы обучались в этой школе по программе высшей школы в Константинополе и что первоначально обучение проходило на основе византийской традиции, но в дальнейшем, в результате более чем вековой адаптации славянских текстов к византийским напевам, возможно, возникла и своя, болгарская редакция. В свете такой гипотезы нельзя исключить, что

болгары, прибывшие на Русь с митрополитом Михаилом (если верить Иоакимовской летописи), привезли с собой и певческие книги, и адаптированную к славянским текстам традицию пения. Такой вывод делает И. Гарднер.

Этот вывод, основанный на гипотезе Р. Паликаровой-Вердей, имеет свои основания, свои «за» и «против». Косвенной «поддержкой» гипотезы могут быть новейшие лингвистические исследования древнеславянской гимнографии в целом. Исследователями выделены периоды её истории и «установлены как минимум два этапа в истории церковнославянской литургической поэзии византийского обряда с конца IX – начала X до середины XI в.: 1) раннедревнеболгарский и 2) древнерусский, связанный с введением на Руси богослужебного устава патриарха Алексия Студита и проведённой в русле этой литургической реформы sprawy гимнографических книг» [17, с. 290; 19, с. 200–219].

В древнеболгарском периоде на материале Ирмология в новейших исследованиях выявлено существование двух редакций перевода, более свободной и более точной, пословно соответствующей греческому оригиналу. На Руси в XI в. был отредактирован поздний болгарский перевод ирмосов [44, 45]. Для отдельных песнопений установлено также, что в древнерусской редакции позднего болгарского перевода были учтены особенности другого греческого оригинала [17, с. 326].

Мы видим необычайно активную переводческую и редакторскую деятельность в раннедревнеболгарский период (конец IX – X вв.) и в ранний древнерусский период (конец X – середина XI вв.). Такая огромная, по сути титаническая работа в области литургической поэзии могла способствовать развитию певческого искусства и даже стимулировать его.

Ранний этап — древнеболгарский — по времени совпадает со временем существования Охридской школы, поэтому создание в ней болгарской редакции византийских напевов было бы вполне возможным. Активная деятельность русской школы в ранний период — до середины XI в. — подтверждается сохранившимся большим рукописным фондом певческих книг, датируемых концом XI–XII вв. и содержащим сложившиеся редакции знаменного и кондакарного пения. В каком соотношении могли находиться болгарская и русская певческие традиции в этот период?

Из-за общности языка болгарская традиция должна была быть ближе русичам, чем греческая. Вместе с тем есть некоторые факты, судя по которым в болгарском пении преобладали византийские каноны и по существу оно мало чем отличалось от византийского пения. Как пишет И. Гарднер, архиепископ Болгарский Феофилакт сравнивает певцов Охридской школы с константинопольскими певцами, имевшими очень высокий профессиональный уровень, но «можно предположить, что культивируемые болгарскими певцами род и манера пения были византийскими. Иначе говоря, болгары переняли византийское богослужебное пение и применили его к славянскому (староболгарскому) языку переведенных с греческого языка песнопений» [5, с. 177].

В дальнейшем история болгарского церковного пения вписывается в историю византийского. Ярчайший представитель болгарской культуры Иоанн Кукузель

в XIII–XIV вв. сочинял в византийском стиле, по византийским канонам. В его огромном творческом наследии сохранилось лишь одно произведение — «Полиелей болгарский», однако это название оно получило не из-за стилистики напева, а из-за небольших словесных вставок на болгарском языке в тексте песнопения. Вероятно, провинциальное положение Болгарии в Византийской империи обусловило сильнейшее воздействие Византии на её культуру и не позволило её мастерам развивать самобытные национальные истоки.

Исторический путь Болгарии был непростым, знал взлёты и падения. Так, в начале XI в. с приходом греческих митрополитов в Болгарию закончился период расцвета национальной культуры. Тогда, вероятно, были уничтожены древнейшие болгарские служебные книги, не сохранившиеся в рукописном фонде на родине. Давление со стороны Византии было настолько мощным, что маленькая провинция не смогла оказать должного сопротивления. Возможно, созданное в Охридской школе не смогли сохранить в дальнейшем и следы школы очень трудно отыскать в позднейших культурных наслоениях. Возможно, их следует искать в Древней Руси? Судя по источникам гимнографии, этого нельзя исключить. Но выявить это будет очень сложно, так как потребует сравнительного изучения ранних древнерусских и византийских, а также поздних, сохранившихся болгарских песнопений, причём сопоставление желательно на звучащем материале, чтобы можно было выявить общие или отличные черты стиля. Вероятно, это — дело будущего.

Таким образом, выдвинутое Р. Паликаровой-Вердей предположение о самобытности певческой традиции охридской певческой школы, к сожалению, пока никак не подтверждается документально, ни певческими рукописями, ни историческими документами, ни памятниками исторической письменности. Судя по тому, что полностью нотированные певческие рукописи в самой Болгарии не сохранились и известны только через 500 лет (с конца XV в.), их собственная редакция византийского пения могла существовать только в устной традиции. Это также можно допустить, и в истории церковного пения есть такие примеры, хотя бы сербский традиционный напев, сохранившийся в изустной передаче на протяжении столетий, записанный лишь в конце XIX в. и впервые изданный в начале XX в. [35, 36, 37, 38].

Таковы логические предположения о древнеболгарском церковном пении. Пока на имеющемся материале трудно проследить влияние болгарской певческой школы, как существенное воздействие на русскую, в том числе с внедрением в неё своих элементов. Скорее всего, роль болгар была посреднической и выполняла задачу передать греческую традицию пения, объяснив саму его систему: певческую книжность, жанры, осмогласие, гласовое и негласовое пение, ритмические и ладовые основы, пение подобное и самогласное, три типа пения по соотношению напева и текста и степени внутрислоговой распевности. Музыкальная письменность могла бы сыграть в передаче элементов музыкального языка огромную роль. Тем не менее в самой Болгарии той эпохи нотация в певческих рукописях применялась лишь эпизодически. «Нотированные <...> южнославянские рукописи почти отсутствуют. До XIV в. можно указать лишь отдельные песнопения» [27, с. 235].

Если даже предположить, что рукописный фонд раннедревнеболгарского периода не сохранился, то более поздние списки должны были фиксировать традицию, пусть в изменённом виде. Но поскольку этого не было, то очевидно, что письменная традиция в ранний период не сложилась, нотация не была освоена и богослужебная практика основывалась на устной форме передачи традиции. Учитывая это, логично представить, что болгары на Руси менее всего готовы были объяснить принципы музыкальной письменности. В связи с этим их роль в певческой культуре Древней Руси, как нам представляется, более объективно оценить как посредническую, но не влиятельную.

Южнославянские письменные источники более позднего времени (XIII–XIV вв.), частично нотированные, позволяют провести сравнительное исследование с древнерусскими аналогичными источниками более предметно, используя материал богослужебных певческих книг и сравнивая их нотацию, проставленную эпизодически.

В последнее время учёные начали проводить подобные текстологические исследования, сравнивая русские и южнославянские певческие рукописи эпохи Студийского устава. Долгое время южнославянские рукописи относили к ненотированным, считалось, что нотированные рукописи в этом регионе появились лишь к концу XV в. Достаточно поздно — во второй половине XX в. — исследователи обратили внимание на отдельные певческие знаки, изредка проставленные над строкой текста. Чаще всего встречалась греческая буква θ , одиночная или в окружении других знаков нотации, поэтому нотацию называли «тэта-нотацией» или фитной нотацией. Оказалось, что эта нотация уже была в очень ранних источниках, начиная с VIII в., и сохранялась до XVI в. в греческих, славянских и сирийско-мелитенских кодексах [48, 49, 33, 34, 8, 9, 32]. Есть некоторые основания предположить её иерусалимское происхождение [3, с. 367].

Исследование славянских источников с этой нотацией относится уже к концу XX – началу XXI вв. В наших отечественных собраниях сохранились списки Октоиха XIII–XIV вв., древнерусские, болгарские и сербские, в которых применялась фитная нотация, фиты проставлены здесь над отдельными словами в определённых местах песнопений. На материале списков Октоиха Е. В. Плетнёвой проведено начальное сравнительное изучение их нотации; привлечены древнерусские Октоихи XII–XV вв., болгарские начала XIII – начала XIV вв. и сербские начала XIV–XV вв. [23].

Сопоставление фитной нотации в древнерусских и южнославянских списках Октоиха обнаружило, что нотированных фрагментов в древнерусских списках намного больше, чем в южнославянских, а сама нотация более подробная и развитая. Если в южнославянских списках преобладают одиночные знаки фиты, в древнерусских добавлено её «окружение» комплексами различных знаков знаменной нотации.

Своеобразное исключение представляет болгарский Солунский Октоих, по времени относящийся к XIII – началу XIV вв. и являющийся едва ли не самым ранним источником из южнославянских. Он содержит фиты «с конвоем», т. е. сам

знак фиты находится внутри комплекса знаков [32]. Русские источники, содержащие фитные комплексы знаков, датируются столетием раньше, например, Благовещенский кондакарь конца XII – начала XIII вв. и Стихирарь минейный, ГИМ, Син. Певч. собр., 279 конца XII в.

По исследованным материалам пока видна несомненная связь южнославянских и древнерусских октоихов. Она проявляется в композиционной устойчивости фитных начертаний в одинаковых песнопениях. Это даёт основание полагать, что, вероятно, и древнерусская, и болгарская, и сербская певческие традиции восходят к единому византийскому истоку. Объяснение различий фитной нотации кроется, вероятно, и в различных стадиях исторического развития церковного пения в разных странах: в Болгарии и Сербии, где в богослужебной практике господствовала устная традиция пения, не требовавшая музыкальной грамотности от певчих, фитная нотация в XIV в. выходит из употребления. На Руси же она находит продолжение в дальнейшем, в эпоху Иерусалимского устава [23, с. 96].

Добавим, что это продолжение было связано с тем, что позднее собственно фитная нотация была включена в систему знаменной, а затем путевой и казанской нотаций. Ранняя же стадия её развития в эпоху Студийского устава готовила её усовершенствование в будущем и, несомненно, отображала постепенную эволюцию пространственных единиц музыкального языка (мелолексем) знаменного и кондакарного пения.

Интересные результаты дало текстологическое изучение достаточно большого массива русских Октоихов конца XIII – конца XV вв. [24]. Оно выявило две тенденции. В части списков сохраняется традиционное использование фитных начертаний в окружении знаков ранней знаменной нотации XII–XIII вв. Они могут быть рассмотрены как знаменные фиты (добавим — раннезнаменные фиты. — Г. П.). В другой части списков изменяется графика фитных начертаний: нередко они сокращаются до одного знака фиты, а кроме того, их графика вторит южнославянским спискам. Эта тенденция проявляется уже в XIV в. и может быть истолкована как палеографический признак в русле второго южнославянского влияния. Однако в XIV в., вероятно, уже началось достаточно заметное эволюционное изменение знаменного пения, которое выльется в реформу, осуществлённую к концу XV в. В частности, книга Октоих именно с этого времени становится не фрагментарно, а полностью нотированной и содержит песнопения новой редакции знаменного распева. Видимо, XIV в. стал временем устного формирования новой редакции — этим можно объяснить упрощение фитных начертаний в XIV-м столетии.

Обратимся к сербским певческим источникам более позднего времени. Ненотированные музыкальные рукописи Сербии, относящиеся к первым векам османского ига, по наблюдению исследовательницы Весны Пено, показывают, «что в то время не существовало установленных образцов и системы, ориентируясь на которые писцы создавали бы гимнографические тексты, предназначенные для пения». Определённые правила возникают лишь к XVII в., привнесённые учителями греками и *русскими*, которых «приглашали сербские епископы <...> в конце XVII в. и начале XVIII в.». Певческая традиция в Сербии до середины XIX в.

существовала только в устной практике, передавалась от учителя к ученику, а «нотированный мелодический текст не имел большого значения в богослужбной практике» [22, с. 109–110]. Устная практика богослужбного пения создавала предпосылки для формирования и развития национальной певческой традиции. Говорить же о сербском влиянии на Руси не приходится, поскольку, напротив, отмечено обратное: существенное влияние русских учителей в Сербии, причём уже в более позднюю эпоху (конец XVII – начало XVIII вв.).

Подтверждение тому находим в современном сравнительном изучении в России русского знаменного пения и церковно-певческой традиции Сербии и Болгарии. Исследование такого рода было проведено А. А. Евдокимовой на материале Октоиха сербского, болгарского и русского (использованы печатные издания 21, 37, 39). При этом выявлена некоторая интонационная общность напевов, которую, на наш взгляд, можно оценить как результат контактов православного славянства, южного и восточного, но не в ранний период, а в более позднее время.

Текстологическое же изучение письменных источников раннего периода (XIII–XV вв.), болгарских, сербских и древнерусских, выявляет их взаимосвязь как между собой, так и с византийскими как исходной точкой отсчёта. При этом источники с фрагментарной фитной нотацией показывают несомненно более высокую степень освоения музыкальной письменности на Руси, чем это было в южнославянских странах. Внешнее подражание графике южнославянских списков, наблюдаемое в XIV в., вполне могло быть своеобразной стилизацией под новые нормы музыкальной графики южнославянских рукописей. Отголоски новой графики фитной нотации, в соответствии с южнославянскими рукописями, показывают определённую связь культур. Вместе с тем эти незначительные палеографические изменения вряд ли возможно трактовать как собственно влияние, как внедрение одной культуры в другую, изменение другой культуры по существу, что оправдывало бы сам термин «южнославянское влияние». Скорее здесь видно взаимодействие книжной писцовой традиции, в соответствии с которой копировались на Руси отдельные, чисто внешние элементы певческой палеографии.

Подведём итог. Изучение истории певческой гимнографии и книжности древних славян выявляет их определённую взаимосвязь, но на достаточно общем уровне. Последний был обусловлен общим для славян и Византии церковным уставом, книжностью, жанровой системой гимнографии, системой осмогласия, певческой типологией и отчасти системой музыкальной письменности. Фактически это была общность культурного поля для народов, принявших христианство по византийскому обряду, что впоследствии переросло в православие.

На протяжении истории взаимосвязи славянских культур не прекращались. Однако в ранний древнерусский период, судя по историческим документам, летописным материалам, памятникам певческого искусства и музыкальной письменности, южные славяне — болгары — могли осуществлять лишь посредническую миссию. Поэтому по отношению к церковно-певческому искусству Древней Руси фактически нет оснований говорить о так называемом первом «южнославянском влиянии» в ранний период её истории — эпоху Студийского устава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеева Г. В.* Византийско-русская певческая палеография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 368 с.
- 2 *Алексеева Г. В.* Проблемы адаптации византийского пения на Руси. Владивосток: Дальнаука, 1996. 380 с.
- 3 *Арванитис И.* Византийская нотация / Византийская империя // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2004. Т. VIII. С. 360–376.
- 4 *Владышевская Т. Ф.* Типографский Устав и музыкальная культура Древней Руси XI–XII веков // Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / под ред. Б. А. Успенского. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 3. С. 111–201.
- 5 *Гарднер И.* Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. Нью-Йорк: Изд-е Свято-Троицкого монастыря, Джорданвилл. Т. 1. 1978. Т. 2. 1982. 2-е изд.: М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2004. 498 с.
- 6 *Евдокимова А. А.* Знаменные попевки в сербском Октоихе // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Нижний Новгород: Изд-во ННГК им. М. И. Глинки, 2012. № 2. С. 7–13.
- 7 *Евдокимова А. А.* Церковное пение Болгарии, Сербии, России: к проблеме мелодических аналогий // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Нижний Новгород: Изд-во ННГК им. М. И. Глинки, 2012. № 1. С. 4–7.
- 8 *Загребин В. М.* Квантитет и редупликация (Способы обозначения долготы гласных звуков в средневековых сербских рукописях и редупликация гласных букв в ненотированных богослужебных сербских текстах) // Русь и южные славяне: сб. ст. к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина. СПб.: Алетейя, 1998. С. 223–233.
- 9 *Заболотная Н. В.* Церковно-певческие рукописи Древней Руси XI–XIV веков: основные типы книг в историко-функциональном аспекте. М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2001. 252 с.
- 10 *Йовчева М.* Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности // Древняя Русь (Вопросы медиевистики). 2002. № 8/2. С. 199–112.
- 11 *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. 800 с.
- 12 *Калиганов И. И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси // *Калиганов И. И.* Веков связующая нить. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006. С. 52–68.
- 13 *Калиганов И. И.* Культура средневековой Болгарии // История культур славянских народов. М.: Изд-во ГАСК, 2003. Т. I / под ред. Г. П. Мельникова. С. 98–157.
- 14 *Карташёв А. В.* Очерки по истории русской церкви: в 2 т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 784 с., 688 с.
- 15 *Келдыш Ю. В.* Древняя Русь XI–XVII века // История русской музыки. М.: Музыка, 1983. Т. 1. 384 с.
- 16 *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского; по древнерусским и южнославянским спискам XIII–XV веков / РАН; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; Об-во исследователей Древней Руси. М.: Языки славянских культур, 2006. 383 с.
- 17 *Кривко Р. Н.* Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010–2011: сб. ст. / под ред. А. М. Молдована, Е. А. Мишиной. М.: Древлехранилище, 2011. С. 290–335.

- 18 Лозовая И. Е. Древнерусский нотированный Параклит XII века: Византийские источники и типология древнерусских списков. М.: Изд-во Московской консерватории, 2009. 156 с., ил.
- 19 Момина М. А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ) Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 1992. Т. XLV. С. 200–219.
- 20 Мурьянов М. Ф. Гимнография Киевской Руси. М.: Наука, 2003. 451 с.
- 21 Октоихъ нотнаго пения, сиречь осмогласник. СПб.: Синодальная тип., 1900. 125 с.
- 22 Пено Весна. Ненотированные певческие книги — источники для изучения сербского церковного пения / Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д. В. Разумовского): Материалы междунар. науч. конференции 12–16 мая 2009 года: сб. ст. / под ред. И. Е. Лозовой. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2011. Вып. 6: Гимнология. С. 109–120.
- 23 Плетнева Е. В. Певческие параллели в южнославянских и древнерусских Октоихах студийской редакции / Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С. В. Смоленского: сб. ст. / под ред. А. Н. Кручининой, Н. В. Рамазановой. М.; СПб.: Альянс – Архео, 2008. С. 87–99.
- 24 Плетнева Е. В. Фиты в канонах древнейших русских Октоихов XII–XV вв. // Актуальные проблемы изучения древнерусского церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д. В. Разумовского): Материалы междунар. науч. конференции 12–16 мая 2009 года: сб. ст. / под ред. И. Е. Лозовой. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2011. Вып. 6: Гимнология. С. 231–248.
- 25 Пожидаева Г. А. Певческие традиции Древней Руси. Очерки теории и стиля. М.: Знак, 2007. 880 с., ил.
- 26 Русская духовная музыка в документах и материалах. М.: Языки славянских культур, 2012. 800 с., 520 с. Т. VII: Афонская экспедиция общества любителей древней письменности (1906). Кн. 1: Дневник С. В. Смоленского. Письма. Материалы; Кн. 2: Афонская коллекция / Гос. Ин-т искусствознания; подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. П. Рахмановой, Е. А. Борисовец. При участии И. П. Шеховцовой, С. Н. Тутолминой.
- 27 Турилов А. А. После Климента и Наума: (Славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X – первой половине XIII в.) // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 126–165.
- 28 Тутолмина С. Н. Русско-греческие параллели в певческих Триодях / Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С. В. Смоленского: сб. ст. / под ред. А. Н. Кручининой, Н. В. Рамазановой. М.; СПб.: Альянс – Архео, 2008. С. 77–86.
- 29 Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. 2-е изд., доп. М.: Сов. композитор, 1971. 624 с.
- 30 Холопова В. Н. Русская музыкальная ритмика. М.: Сов. композитор, 1983. 281 с.
- 31 Школьник М. Г. Проблемы реконструкции знаменного роспева XII–XVII веков (на материале византийского и древнерусского Ирмология): дис. ... канд. искусствоведения. М., 1996.

- 32 *Йовчева М.* Солунският Октоих в контекста на южнославянските октоиси до XIV в. // Кирилло-Методиевски студии. София, 2004. Кн. 16.
- 33 *Кожухаров Ст.* Нотни начертания в Орбелския триод — среднобългарски книжовен паметник от XIII в. // Български език. София, 1974. Т. 24, кн. 4. С. 324–343.
- 34 *Кожухаров Ст.* Палеографски проблеми на ѳ нотацията в среднобългарските ръкописи от 12–13 век // Славянска палеография и дипломатика. Доклади и съобщения. София, 1980. С. 228–246.
- 35 *Мокрянъц С.* Православное сербское народное церковное пение («Опште пояние»). М.: Живоносный источник, 2000. 500 с.
- 36 Српско народно црквено појање. Осмогласник. У ноте ставио Ст. Ст. Мокрањац. Београд, 2010. 313 с.
- 37 *Стефан Ластавица*, еп. Српско православно народно црквено појање. Београд, 1969. Књ. I – II.
- 38 *Петровић Даница*. Хиландарски ктитори у православном појању. Београд, 1999. 248 с.
- 39 Църковно-певчески сборник. Част втора. Переводе от източни на западни ноти Петър Динев. София, переиздадена от Р. Тончева, 2000. 406 с.
- 40 *Floros C.* Universale Neumenkunde. I–III. Kassel, 1970. Bd. I. 380 s.
- 41 *Høeg. C.* The oldest slavonic tradition of byzantine music // Proceedings of the British Academy. Oxford, 1953, v. 39.
- 42 *Levy K.* Die slavische Kondakarien-Notation // Anfänge der slavischen Musik. Bratislava, 1966. S. 77–92.
- 43 *Levy K.* The slavic kontakia and their byzantine originale // Twenty fifth anniversary Festschrift of the City University. New York, 1964.
- 44 *Matejko L'.* Вопросы исследования древнейшей славянской гимнографии: (Ирмосы: разночтения и история текста) // XIII. medzinarodny zjazd slavistov v L'ubl'ane. Prispevki slovenskych slavistov. Bratislava, 2003. С. 21–48.
- 45 *Matejko L'.* Ирмосы в славянских минеях XI–XIV вв. // Liturgische Hymnen nach byzantinische Ritus bei den Slaven in altester Zeit. Beitrage einer internationalen Tagung Bonn, 7. – 10. Juni 2005 / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 117. Patristica Slavica. Bd. 15 / Hrsg. von H. Rothe.). Paderborn Münshen, Wien, Zürich, 2007. S. 27–49.
- 46 *Myers Gr.* A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarnoe Penie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia, 2009. 274 p.
- 47 *Palikarova-Verdeil R.* La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes // MMB, Subsidia 3. Copenhagen: Munksgaard, 1953.
- 48 *Raasted J.* A Primitive Palaeobyzantine Musical Notation. Nova a monumentis musicae byzantinae // Classica et mediaevalia. XXIII. Copenhagen, 1962. P. 302–310.
- 49 *Raasted J.* Theta Notation and Some Related Notation Types // Palaeobyzantine Notations: A Reconsideration of the Sours Material / ed. by J. Raasted and Chr. Troelsgård. Hernen, 1995.
- 50 *Schkolnik I.* Stichera-Automela in Byzantine and Slavonic Sources of the late 11th – late 18th Centuries. Palaeobyzantine Notations II. Hernen, 1999. P. 81–97.

Pozhidaeva Galina Andreevna,
Doctor of Arts, Professor
FSBI HPE «Higher theatre school (Institute) named after M. S. Shchepkin
at the State academic Maly theatre of Russia»,
Neglinnaya street, 6/2, building 1, 2, 109012 Moscow, Russian Federation;
FSBI HPE «The State Academy of Slavic culture»,
Khibinsky proezd, d. 6, 129337 Moscow, Russian Federation
E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru

ON THE ROLE OF SOUTHERN SLAVS IN THE HISTORY OF OLD RUSSIAN CHANT ART (Stoudios Typikon Period)

Abstract: The purpose of the article is to find out if the so-called «South Slavic influence» manifested in Church chant art of Old Russia in Stoudios Typikon Period. The term «South Slavic influence» itself turns out to be inaccurate in relation to Old Russia, since you can only talk about possible Russian-Bulgarian contacts in the early period. The article considers the testimony of the Joakhimov chronicle about the arrival of Bulgarian Metropolitan Michael with singers to Russia. Bulgarian singers are likely to have become the intermediaries in explaining the foundations of Byzantine Church music to the Russian — literature, genres, three types of chant, system of Octoechos, rhythmic system etc. The hypothesis of R. Palikarova-Verdeil about their own Bulgarian chant traditions, established in Ohrid school at the end of IX – the end of X century is not confirmed by the further development of the chant art in Bulgaria. Musical script of Russia and the South Slavic countries are compared on the material of the chant books of the XI–XIV centuries. Comparative study of the manuscript tradition of noted chanting books shows a higher level of development of musical notation in Russia than in Bulgaria and Serbia. This indicates the impossibility of any influence and excludes the possibility of the leading role of the South Slavs towards the old Russian Church chant.

Keywords: Church chant tradition, Old Russia, Byzantium, South Slavs, Stoudios Typikon Period

REFERENCES

- 1 Alekseeva G. V. *Vizantiisko-russkaia pevcheskaia paleografiia* [Byzantine and Russian chant paleography]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007. 368 p.
- 2 Alekseeva G. V. *Problemy adaptatsii vizantiiskogo peniia na Rusi* [The problems of Byzantine chant adaptation in Old Russia]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1996. 380 p.
- 3 Arvanitis I. Vizantiiskaia notatsiia / Vizantiiskaia imperiia [Byzantine notation/Byzantine empire]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2004, vol. VIII, pp. 360–376.
- 4 Vladyshevskaia T. F. *Tipografskii Ustav i muzykal'naia kul'tura Drevnei Rusi XI–XII vekov* [Publishing typikon and musical culture of Old Russia in XI–XII centuries]. *Tipografskii Ustav: Ustav s kondakarem kontsa XI – nachala XII veka* [Publishing

- typikon: typikon with kondakarion at the end of XI- beginning of XII century], pod red. B. A. Uspenskogo. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, vol. 3, pp. 111–201.
- 5 Gardner I. *Bogosluzhebnoe penie russkoi pravoslavnoi tserkvi. Sushchnost', sistema i istoriia* [Church service chant in Russian Orthodox Church. The essence, system and history]. N'iu-Iork, Izd-e Sviato-Troitskogo monastyrja, Dzhordanvill Publ. Vol. 1. 1978. Vol. 2. 1982. 2-e izd. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii Bogoslovskii in-t Publ., 2004. 498 p.
 - 6 Evdokimova A. A. Znamennye popevki v serbskom Oktoikhe [Melodic formulars of echoes in Serbian Octoechos]. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniia* [Current Problems of Higher Musical Education]. Nizhnii Novgorod, Izd-vo NNGK im. M. I. Glinki Publ., 2012, no 2, pp. 7–13.
 - 7 Evdokimova A. A. Tserkovnoe penie Bolgarii, Serbii, Rossii: k probleme melodicheskikh analogii [Church chant of Bulgaria, Serbia, Russia]. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniia* [Current problems of higher musical education]. Nizhnii Novgorod, Izd-vo NNGK im. M. I. Glinki Publ., 2012, no 1, pp. 4–7.
 - 8 Zagrebin V. M. Kvantitet i reduplikatsiia (Sposoby oboznacheniiia dolgoty glasnykh zvukov v srednevekovykh serbskikh rukopisiakh i reduplikatsiia glasnykh bukv v nenotirovannykh bogosluzhebnykh serbskikh tekstakh) [Quantitet and reduplication (The means of identification of vowels length in Medieval Serbian manuscripts and reduplication of vowels in non-notated Serbian Church texts)]. *Rus' i iuzhnye slaviane: sb. st. k 100-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Moshina* [Old Russia and South Slavs: collected papers devoted to the 100 anniversary of V.A. Moshin]. St. Peterburg, Aleteia Publ., 1998, pp. 223–233.
 - 9 Zabolotnaia N. V. *Tserkovno-pevcheskie rukopisi Drevnei Rusi XI–XIV vekov: osnovnye tipy knig v istoriko-funktsional'nom aspekte* [Church chant manuscripts of Old Russia of XI–XIV centuries: the main types of books in historical and functional aspect]. Moscow, Izd-vo RAM im. Gnesinykh Publ., 2001. 252 p.
 - 10 Iovcheva M. Gimnograficheskoe nasledie kirillo-mefodievskikh uchenikov v russkoi knizhnosti [Hymnographic heritage of Cyril and Methodius students in Russian church books]. *Drevniaia Rus' (Voprosy medievistiki)* [Old Russia (Problems of Medievalistics)], 2002, no 8/2, pp. 199–112.
 - 11 Kaliganov I. I. *Georgii Novyi u vostochnykh slavian* [New Martyr George of Kratov in Eastern Slavic countries]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 800 p.
 - 12 Kaliganov I. I. Istoriko-literaturnye problemy iuzhnoslavianskogo vliianiia na Rusi [Historical and literary problems of Southern Slavs influence on Russia]. *Kaliganov I. I. Vekov sviazuiushchaia nit'* [The common thread of centuries]. Moscow, In-t slavianovedeniia RAN Publ., 2006, pp. 52–68.
 - 13 Kaliganov I. I. Kul'tura srednevekovoi Bolgarii [The culture of medieval Bulgaria]. *Istoriia kul'tur slavianskikh narodov* [History of Slavs culture]. Moscow, Izd-vo GASK Publ., 2003, vol. I, pod red. G. P. Mel'nikova, pp. 98–157.
 - 14 Kartashev A. V. *Ocherki po istorii russkoi tserkvi: v 2 t.* [Essays on the history of Russian church]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrja Publ., 2009. 784 p., 688 p.
 - 15 Keldysh Iu. V. *Drevniaia Rus' XI–XVII veka* [Old Russia in XI–XVII centuries]. *Istoriia russkoi muzyki* [History of Russian music]. Moscow, Muzyka Publ., 1983. Vol. 1. 384 p.
 - 16 Krashenninnikova O. A. *Drevneslavianskii Oktoikh sv. Klimenta, arkhiepiskopa Okhridskogo; po drevnerusskim i iuzhnoslavianskim spiskam XIII–XV vekov* [Old Slavic

- Octoechoes of Saint Clement, archbishop of Ohrid; according to Old Russian and Southern Slavic manuscripts of XIII–XV centuries], RAN; In-t mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo; Ob-vo issledovatelei Drevnei Rusi. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 383 p.
- 17 Krivko R. N. Drevnerusskaia versiia kondaka vmch. Dimitriiu Solunskomu i ee iuzhno-slavianskie paralleli [Old Russian version of the kontakion of the Great Martyr Demetres of Thessaloniki and its Southern Slavic parallels]. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka 2010–2011: sb. st.* [Linguistic source studies and the history of Russian language 2010–2011: collected papers], pod red. A. M. Moldovana, E. A. Mishnoi. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2011, pp. 290–335.
 - 18 Lozovaia I. E. *Drevnerusskii notirovannyi Paraklit XII veka: Vizantiiskie istochniki i tipologii drevnerusskikh spiskov* [Old Russian notated Parakletik of XII century: Byzantine sources and the typology of Old Russian manuscripts]. Moscow, Izd-vo Moskovskoi konservatorii Publ., 2009. 156 p., il.
 - 19 Momina M. A. Problema pravki slavianskikh bogoslužebnykh gimnograficheskikh knig na Rusi v XI v. [The problem of Slavic Church hymnographic books correction in Russia in XI century]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL) Instituta russkoi literatury (Pushkinskii dom) RAN* [The papers of Old Russian literature department (TODRL) of the Institute of Russian literature (Pushkin's House)]. St. Petersburg, 1992, vol. XLV, pp. 200–219.
 - 20 Mur'ianov M. F. *Gimnografiia Kievskoi Rusi* [The hymnography of Kievan Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 451 p.
 - 21 *Oktoikh notnago peniia, sirech' osmoglasnik* [Ochtoechoes of noted chant]. St. Peterburg, Sinodal'naia tip. Publ., 1900. 125 p.
 - 22 Peno Vesna. Nenotirovannye pevcheskie knigi — istochniki dlia izuchenii serbskogo tserkovnogo peniia [Non-notated chant books as the sources for Serbian church chant studies]. *Aktual'nye problemy izuchenii tserkovno-pevcheskogo iskusstva: nauka i praktika (k 120-letiiu konchiny D. V. Razumovskogo): Materialy mezhdunar. nauch. konferentsii 12–16 maia 2009 goda: sb. st.* [Current problems of church chant art: research and practice (devoted to the 120 anniversary of D. V. Razumovsky death): papers of international research conference, 12–16 of May, 2009: collected papers], pod red. I. E. Lozovoi. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr «Moskovskaia konservatoriia» Publ., 2011, issue 6: Gimnologii, pp. 109–120.
 - 23 Pletneva E. V. Pevcheskie paralleli v iuzhnoslavianskikh i drevnerusskikh Oktoikhakh studiiskoi redaktsii [Chant parallels in South Slavic and Old Russian Ochtoechoes of Stoudios version]. *Greko-russkie pevcheskie paralleli. K 100-letiiu afonskoi ekspeditsii S. V. Smolenskogo: sb. st.* [Greek and Russia chant parallels. On the 100th anniversary of Athos expedition of S. V. Smolensky: collected papers], pod red. A. N. Kruchininoi, N. V. Ramazanovoi. Moscow, St. Peterburg, Al'ians – Arkheo Publ., 2008, pp. 87–99.
 - 24 Pletneva E. V. Fity v kanonakh drevneishikh russkikh Oktoikhov XII–XV vv. [Fity in the canons of the oldest Russian Ochtoechoes of XII–XV centuries]. *Aktual'nye problemy izuchenii drevnerusskogo tserkovno-pevcheskogo iskusstva: nauka i praktika (k 120-letiiu konchiny D. V. Razumovskogo): Materialy mezhdunar. nauch. konferentsii 12–16 maia 2009 goda: sb. st.* [Current problems of church chant art: research and practice (devoted to the 120 anniversary of D.V. Razumovsky death): papers of international research conference, 12–16 of May, 2009: collected papers], pod red. I. E. Lozo-

- voi. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr «Moskovskaia konservatoriia», 2011, issue 6: Gimnologiya, pp. 231–248.
- 25 Pozhidaeva G. A. *Pevcheskie traditsii Drevnei Rusi. Ocherki teorii i stilii* [Chant traditions of Old Russia. Essays of theory and style]. Moscow, Znak Publ., 2007. 880 p., il.
 - 26 *Russkaia dukhovnaia muzyka v dokumentakh i materialakh* [Russian spiritual music in documents and papers]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012. 800 p., 520 p. Vol. VII: Afonskaia ekspeditsiia obshchestva liubitelei drevnei pis'mennosti (1906). Book 1: Dnevnik S. V. Smolenskogo. Pis'ma. Materialy; Book 2: Afonskaia kollektsiia [Vol. VII: Athos expedition of Society of Old Russian writing lovers (1906). Book 1. Diary of S. V. Smolensky. Letters. Papers; Book 2: Athos collection], Gos. In-t iskusstvovedeniia; podgot. tekstov, vstup. st. i komment. M. P. Rakhmanovoi, E. A. Borisovets. Pri uchastii I. P. Shekhovtsovoi, S. N. Tutolmino.
 - 27 Turilov A. A. *Mezhslavianskie kul'turnye sviazi epokhi Srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian: Etiudy i kharakteristiki* [International cultural ties of Medieval epoch and sources studies of Slavic history and culture]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 126–165.
 - 28 Tutolmina S. N. Russko-grechskie paralleli v pevcheskikh Triodiakh [Russian and Greek parallels in chant Triods]. *Greko-russkie pevcheskie paralleli. K 100-letiiu afonskoi ekspeditsii S. V. Smolenskogo: sb. st.* [Greek and Russian chant parallels. On the 100th Athos expedition of S. V. Smolensky: collected papers], pod red. A. N. Kruchininoi, N. V. Ramazanovoi. Moscow, St. Peterburg, Al'ians – Arkheo Publ., 2008, pp. 77–86.
 - 29 Uspenskii N. D. *Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo* [Old Russian chant art]. 2-e izd., dop. Moscow, Sov. Kompozitor Publ., 1971. 624 p.
 - 30 Kholopova V. N. *Russkaia muzykal'naia ritmika* [Russian musical rhythmic]. Moscow, Sov. Kompozitor Publ., 1983. 281 p.
 - 31 Shkol'nik M. G. *Problemy rekonstruktsii znamennogo rospeva XII–XVII vekov (na materiale vizantiiskogo i drevnerusskogo Irmologiiia): dis. ... kand. iskusstvovedeniia* [The problems of reconstruction of the melodic formulas of XII–XVII centuries (on the basis of Byzantine and Old Russian Irmologion)]. Moscow, 1996.
 - 32 Iovcheva M. Solunskiiat Oktoikh v konteksta na iuzhnoslavianskite oktoisi do XIV v. [Oktoechos of Thessalonica, in the context of the South-Slavic Oktoechos before the 14th century]. *Kirillo-Metodievski studii* [Cyrill and Methodius Studies]. Sofia, 2004. Kn. 16.
 - 33 Kozhukharov St. Notni nachertaniia v Orbel'skii triod — srednob"lgarski knizhoven pametnik ot XIII v. [Music signs of Orbele Triodion- the monument of Medieval Bulgarian books of the 13th century]. *B"lgarski ezik* [Bulgarian language]. Sofia, 1974, vol. 24, book 4, pp. 324–343.
 - 34 Kozhukharov St. Paleografski problemi na W notatsiata v srenob «lgarskiter» kopisi ot 12–13 vek [Paleographic Problems of Theta-Notation in the Medieval Bulgarian Manuscripts of the 12th – 13th Centuries]. *Slavianska paleografiia i diplomatika. Dokladi i s"obshcheniia* [Slavonic Paleography and Diplomacy. Papers and speeches]. Sofia, 1980, pp. 228–246.
 - 35 Mokran'iats S. *Pravoslavnoe serbskoe narodnoe tserkovnoe penie («Opshte poianie»)* [Serbian folk Orthodox church chant]. Moscow, Zhivonosnyi istochnik Publ., 2000. 500 p.

- 36 *Srpsko narodno tsrkveno pojaње. Osmoglasnik. U note stavio St. St. Mokranjac* [Serbian folk church chant (oral tradition). Music notation of St. S. Mokranjac]. Beograd, 2010. 313 p.
- 37 Stefan Lastavitsa, ep. *Srpsko pravoslavno narodno tsrkveno pojaње* [Stefan Lastavica, Bishop. Serbian Orthodox folk church chant (oral tradition)]. Beograd, 1969. Book. I–II.
- 38 Petrović Danitsa. *Khilandarski ktitori u pravoslavnom pojaњу* [Danica Petrovic. Ktitors of Hilandar Monastery in Orthodox chant]. Beograd, 1999. 248 p.
- 39 *Ts"rkovno-pevcheski sbornik. Chast vtora. Perevede ot iztochni na zapadni noti Pet"r Dinev* [A collection of church chant music. Part two. Translation of eastern notation into western notation by Peter Diven]. Sofia, pereizdata ot R. Toncheva, 2000. 406 p.
- 40 Floros C. *Universale Neumenkunde. I–III. Kassel*, 1970. Bd. I. 380 s.
- 41 Høeg. C. The oldest slavonic tradition of byzantine music // *Proceedings of the British Academy*. Oxford, 1953, v. 39.
- 42 Levy K. Die slavische Kondakarien-Notation // *Anfänge der slavischen Musik*. Bratislava, 1966, pp. 77–92.
- 43 Levy K. The slavic kontakia and their byzantine originale // *Twenty fifth anniversary Festschrift of the City University*. New York, 1964.
- 44 Matejko L'. Voprosy issledovaniia drevneishei slavianskoi gimnografii: (Irmosy: raznochtenii i istoriia teksta) [The problems of the oldest Slavic hymnography research: (Irmoses: discrepancies and the history of the text) // *XIII. medzinarodny zjazd slavistov v L'ubl'ane. Prispevki slovenskych slavistov*. Bratislava, 2003, pp. 21–48.
- 45 Matejko L'. Irmosy v slavianskikh mineiakh XI–XIV vv. [Irmoses in Slavic menaia of XI–XIV centuries // *Liturgische Hymnen nach byzantinische Ritus bei den Slaven in alterer Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7–10. Juni 2005* / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 117. Patristica Slavica. Bd. 15 / Hrsg. von H. Rothe.). Paderborn München, Wien, Zürich, 2007. S. 27–49.
- 46 Myers Gr. A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarne Penie: *The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma*. Sofia, 2009. 274 p.
- 47 Palikarova-Verdeil R. *La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes* // MMB, Subsidia 3. Copenhagen: Munksgaard, 1953.
- 48 Raasted J. A Primitive Palaeobyzantine Musical Notation. Nova a monumentis musicae byzantinae // *Classica et mediaevalia. XXIII*. Copenhagen, 1962, pp. 302–310.
- 49 Raasted J. Theta Notation and Some Related Notation Types // *Palaeobyzantine Notations: A Reconsideration of the Sours Material* / ed. by J. Raasted and Chr. Troelsgård. Hernen, 1995.
- 50 Schkolnik I. *Stichera-Automela in Byzantine and Slavonic Sources of the late 11th – late 18th Centuries*. Palaeobyzantine Notations II. Hernen, 1999, pp. 81–97.